

В огромном зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым, прерывистым дыханием собравшихся.

Взоры присутствующих скрестились на Селою. Демоны наперебой разглядывали мальчишку, тщетно пытаясь отыскать в его облике хоть какие-то признаки ангельского происхождения, но все усилия оказались напрасными.

Вскоре залом овладело замешательство. Растерянные взгляды метались от Деровиэля к его ноше.

Деровиэля едва не разобрал смех. Он прекрасно понимал: сейчас кто-нибудь обязательно решит, будто Юлиси просто подыгрывает ему, пытаясь спасти лицо подчиненного.

Ведь для демонов единственным существом, способным затмить любую добычу других воинов, мог стать лишь ангел. Гордое, чистое создание, любимец самого Творца.

Служка, который только что посмел подать голос, смертельно побледнел. Его била крупная дрожь. Он не смел даже поднять взгляда на Юлиси, понимая: если принесенный ребенок действительно ангел, то своей неуместной дерзостью он выставил хозяина дураком. Суетливый, слепой плебей...

«Мне конец», — обреченно подумал служка.

Пальцы, упиравшиеся в каменный пол, судорожно скрючились. В отчаянной надежде он вскинул голову, вглядываясь в так называемого ангела. Ясные, невинные голубые глаза, сияющие золотом волосы... Проклятье, этот сопляк и впрямь выглядел как истинный посланник небес.

Мысленно проклиная свою глупость, он скользнул взглядом за спину ребенка — и вдруг просиял, словно ухватился за спасительную соломинку.

— Он лжет! — истошно завопил служка. — Этот щенок — не ангел! У него же нет крыльев!

— И то верно, какой же ангел без крыльев? — слышалось из толпы.

— Ангелы без крыльев — просто люди. Ведь это знак божьего благословения.

Услышав шепотки, Деровиэль мягко придержал Селою за плечо, не давая тому шевельнуться, и перевел холодный взгляд прямо на Юлиси.

На губах повелителя демонов заиграла едва заметная, издевательская усмешка. Голос его прозвучал мягко и вкрадчиво, будто он искренне недоумевал:

— Господин Юлиси, неужели вы тоже считаете, что у каждого ангела обязаны быть крылья?

Глаза Юлиси потемнели. Он медленно провел пальцами по резному подлокотнику трона, словно лаская нечто невидимое. Не отрывая плотоядного взгляда от Деровиэля, он выдержал театральную паузу и ответил с каким-то извращенным восторгом:

— Разумеется, нет. В конце концов, ангелу вовсе не обязательно носить свои крылья при себе всю жизнь.

Деровиэль коротко, презрительно усмехнулся. Даже не взглянув на несчастного служку, он небрежно бросил, решая его участь:

— Тогда странно, что здесь находятся те, кто смеет сомневаться в моих словах. Похоже, ваше окружение, господин Юлиси, не блещет умом.

В груди Юлиси вспыхнуло яростное, будоражащее пламя. Жар мгновенно разлился по венам, требуя немедленной разрядки. Раздраженно цыкнув, он резко вскинул ногу и нанес сокрушительный удар.

Служка почувствовал лишь резкую, ослепляющую боль в спине — и кубарем полетел с высокого каменного помоста. Он попытался призвать демоническую энергию для защиты, но с ужасом осознал, что все его каналы заблокированы железной волей повелителя. Не в силах сотворить даже простейшее плетение, он лишь инстинктивно закрыл голову руками. Ступени безжалостно ломали его кости. Наконец тело замерло у подножия лестницы в луже собственной крови, едва хрипя.

Из теней бесшумно выросли двое стражников. Подхватив полумертвое тело под руки, они уволокли его прочь так быстро, будто по залу пронесся порыв ветра.

Придворные безучастно проводили взглядом растерзанного слугу. Каждый из них мысленно перевел дух. У Юлиси была причудливая привычка: утолив первую жажду крови, он обычно остывал и больше никого в этот день не наказывал. По крайней мере, сегодня их жизни были вне опасности.

— Желаете лично осмотреть трофей? — Деровиэль смиренно опустил веки. Стоило убрать помеху, как вся его колючая дерзость бесследно испарилась, уступив место привычной маске покорного исполнителя.

Юлиси обожал эти метаморфозы. Подобные вспышки строптивости не злили его — напротив, они будоражили кровь. Власть и пресыщенность часто порождают извращенное упрямство: чем холоднее и недоступнее добыча, тем сильнее зудит желание подчинить ее себе. Разумеется, не каждый удостоивался такой чести, но Деровиэль определенно был исключением из правил.

Властелин великодушно отмахнулся. Избавляя Деровиэля от унижительных досмотров, он коротко бросил страже:

— Уведите мальчишку. Через два дня на приеме он станет главным украшением праздника.

Затем Юлиси вновь устремил на Деровиэля вкрадчивый, почти нежный взгляд.

— Твой дар превзошел все ожидания, — промурлыкал он с приторной лаской. — Ну что, мой дорогой, это хоть немного растопило твою холодность?

Деровиэль едва заметно скривил губы в подобии вежливой улыбки и ответил со сквозящим равнодушием:

— Разумеется. Ваше одобрение — высшая награда для меня.

Селю бесцеремонно вырвали из рук Деровиэля. Стражник, перехвативший его, стиснул его тельце с такой силой, что у малыша перехватило дыхание от боли. Он обиженно шмыгнул носом.

Высказать свое возмущение Деровиэлю, как и спросить, откуда тот прознал про его ангельскую суть, Селю не успел. Конвоир размашистым шагом направился к выходу. Несколько мгновений — и тяжелые створки ворот захлопнулись, отрезав его от зала и оставив позади даже силуэт предводителя.

Малыш обиженно уставился на закрывшиеся двери, сердито надув щеки. В груди клокотало законное негодование. Ладно, пускай Деровиэль использовал его в своих целях — в конце концов, они едва знакомы. Но почему нельзя было предупредить заранее? Зачем заставлять его так изводить себя страхом?

В своем мысленном блокноте Селю открыл персональный счет для этого негодяя.

«Деровиэль — скрытый злыдень. Нарочно всё утаил, решив состроить из себя героя-одиночку. Минус один балл», — сердито зафиксировал Селю.

Он твердо решил вести этот учет со всей строгостью, чтобы по возвращении предъявить мерзавцу весь список прегрешений.

Мрак вокруг сгустился. Провожатый двигался в абсолютном молчании. Если бы не едва уловимое, мерное дыхание над ухом, Селю решил бы, что его тащит бездушный автоматон.

Перед глазами Селю вдруг вспыхнул стальной ошейник, стягивавший шею проводника у городских ворот. Сглотнув вязкую слюну, мальчик заерзал, притворяясь, будто ему жутко

неудобно, и принялся устраиваться поудобнее. Стражник терпеливо перехватывал его то так, то эдак, но шага не замедлял.

Впереди забрезжил слабый огонек — они приближались к цели. Закусив губу, Селоя отбросил осторожность. Сделав резкое движение, словно потеряв равновесие, он уцепился за воротник мужчины и как бы невзначай провел пальцами по его шее.

Пальцы наткнулись на холодный шероховатый металл с мелкими зазубринами. Сомнений не было: точно такой же ошейник. В голове Селои зароились тревожные вопросы, но додумать он не успел. Ручища, державшая его, внезапно сжалась мертвой хваткой, стиснув ребра.

Воздух с хрипом вырвался из легких ребенка, он едва не лишился чувств. Селоя отчаянно заколотил кулачками по каменному плечу стражника, пытаясь привести его в себя. Потребовалась целая минута, прежде чем железные тиски на его талии наконец ослабли.

Над ухом раздался бесстрастный, словно у куклы, голос:

— Прошу прощения. Не прикасайтесь к моей шее.

Селоя испуганно шмыгнул носом и жалобно пропищал:

— Ладно... Я больше не буду, честное слово! Я случайно соскользнул.

Стражник не ответил. Подойдя к тупику, он нажал на скрытые выступы в стене. Тяжелая плита бесшумно отъехала, открывая проход в тесную, погруженную во мрак камеру. Единственный тусклый светильник в углу едва рассеивал тьму, из которой доносились слабые, прерывистые вздохи.

В нос Селои ударил удушливый смрад сырости и гниющей плоти. Зажав рот ладошкой, он испуганно прошептал:

— А где мы?

— Тебе не положено знать, — отрезал конвоир. — Но не бойся. Ты — ценный товар, поэтому для тебя приготовлено место получше.

Мужчина уверенно зашагал по коридору подземелья. Вдруг под его тяжелым сапогом раздался отчетливый хруст — будто хрупкая сухая ветка переломилась пополам. Следом донесся тихий, похожий на кошачий писк, стон боли. Селоя в ужасе округлил глаза, силясь разглядеть происходящее во мраке, но густые тени надежно скрывали пол.

Они миновали еще одну дверь. Тот же смрад гнили и плесени, тот же зловещий хруст под

ногами...

Вскоре Селоя перестал реагировать на звуки — разум его просто оцепенел. Лабиринт сырых темниц казался бесконечным, однако мальчик заметил, что по мере продвижения вглубь коридоры становились светлее, а зловоние постепенно ослабевало. К моменту, когда конвоир наконец остановился, Селоя едва держался на ногах от усталости и дурноты.

Предыдущие камеры оставили после себя тошнотворный след, но эта комната оказалась совсем иной. Воздух здесь был напоен тонким цветочным ароматом, а просторное помещение поражало роскошью. Места тут хватило бы для беззаботных игр целой ораве ребятишек.

Селоя растерянно потер глаза. Не успел он прийти в себя, как его бесцеремонно опустили на ковер.

— Скоро тебе объяснят твои обязанности, — бросил на ходу стражник и тут же скрылся, захлопнув за собой тяжелую дверь. Мальчик остался в полном одиночестве.

Прижавшись спиной к холодной стене, Селоя настороженно огляделся. Ноги словно налились свинцом — интуиция подсказывала ему, что даже за этим внешним блеском скрывается нечто ужасное.

Он было дернулся к двери в робкой надежде сбежать, как вдруг чьи-то ледяные пальцы робко коснулись его ладони.

Вскрикнув от испуга, Селоя отпрянул, но наткнулся на кого-то сзади и едва не повалился на пол.

Мальчик, коснувшийся его, даже не удивился такой реакции. На вид ему было лет семь или восемь, но его взгляд, тусклый и безжизненный, напоминал стоячую воду болотного омута.

— Ты наша новая Пятая? — бесцветным голосом спросил он.

Селоя растерянно помотал головой, не понимая, о ком идет речь.

Вдруг позади раздался пронзительный детский крик:

— Нет! Брат, он не должен быть Пятой! Мне не нужна другая Пятая! Мы же обещали ей, мы не имеем права ее забывать!

Селоя обернулся, собираясь возразить и заверить, что вовсе не претендует на чужое место. Однако при виде кричавшего слова застряли у него в горле.

Перед ним лежал совсем юный цзяожэнь — судя по нежно-розовому отливу чешуи у самого основания, его хвост когда-то был неопикуемой красоты.

Но полюбоваться им во всем великолепии уже никому не суждено.

Вся чешуя на хвосте бедного создания была варварски содрана. Оголенная плоть представляла собой одну сплошную, кровоточащую рану.

Теперь этот хвост напоминал лишь мерзкого розового червя.

<http://bllate.org/book/20120/1998283>